

УДК 172.1

DOI: 10.17223/1998863X/57/9

М.В. Куликов

ИНСТИТУТ НАКАЗАНИЯ В СТРУКТУРЕ ДИСЦИПЛИНАРНОГО ОБЩЕСТВА: ПОПЫТКА ПРЕОДОЛЕНИЯ РАЗГРАНИЧЕНИЯ МИКРО-МАКРОУРОВНЕЙ АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Осуществляется попытка нахождения «точки сопряжения» между микро- и макро-уровнями анализа правовых институтов дисциплинарного (в терминологии Фуко) общества. В качестве основы этого сопряжения представлена «меновая» теория права раннесоветского исследователя Е. Пащуканиса, в которой автор выводит все многообразие юридических отношений и социальной структуры, в том числе и институты исполнения наказаний, из частных обменных экономических отношений.

Ключевые слова: дисциплинарное общество, паноптикон, «меновая» теория права, марксизм, микро-макроуровни социальной структуры.

Одна из актуальных проблем социальной теории – проблема сопряжения микро- и макроуровней анализа социальных процессов. В настоящей статье предпринята попытка найти возможность для этого сопряжения через рассмотрение области юридического вообще и института наказания в частности. Особый вклад в анализ форм и практик дисциплинарной власти внес, конечно же, М. Фуко: «Писать сегодня о наказании и разделении, не обращая внимания на Фуко, – все равно, что говорить о бессознательном, не обращая внимания на Фрейда» [1. С. 82]. Центральное место в процессе становления дисциплинарного общества занимают институты исполнения наказания: «Карательная система – это форма, где власть в наиболее явном обличье показывает себя в качестве власти» [2. С. 71]. Вместе с тем Фуко интересуют именно техники, процедуры, практики наказания, при этом он не акцентирует внимание на причинах, порождающих такой тип обществ и такой тип властизнания. Эту позицию можно объяснить как особым исследовательским приемом дистанцирования, так и представлением самого автора о наличии мощной традиции, объясняющей эти причины. И главным кандидатом на роль такой традиции, конечно, является марксизм, который, анализируя общественно-экономические формации, движущие силы истории, изучая законы диалектики, выступает как теория изучения макропроцессов в противоположность «микрофизике власти» Фуко.

Сформулируем проблемы, рассматриваемые в настоящей статье следующим образом: существует ли возможность связать представления М. Фуко о тюрьме как особом типе института исполнения наказаний, ставшего своего рода прообразом, моделью для паноптического общества, с марксистскими представлениями о праве? Как связаны между собой частные отношения по поводу обмена товаров с дисциплинирующими практиками? И как можно соотнести марксистские представления об «отмирании» государства и права с представлениями Фуко об «избыточности» тюрьмы, о наполнении наказа-

ния в виде лишения свободы дополнительным содержанием в виде комплекса воспитательных, медицинских, психологических и тому подобных практик?

Учитывая чрезвычайно богатую марксистскую традицию, для решения поставленной проблемы необходимо найти точку сопряжения идей дисциплинарного общества, классовой борьбы и уголовно-правовой теории. И в качестве таковой нами будет рассматриваться так называемая «меновая» теория права во многом забытого в нашей стране представителя раннесоветской юридической науки Е. Пашуканиса. Работы Фуко не содержат в себе ссылок на его исследования, однако в работе «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» автор, говоря о предшественниках его взглядов на природу наказания, адресует слова благодарности Г. Руше и О. Киришхаймеру, чью работу «Наказание и социальные структуры» 1939 г., он именует «великим трудом» [3. С. 16], в котором они «сопоставили различные системы наказания с системами производства, в рамках которых они действуют» [Там же]. Вместе с тем подход указанных авторов во многом связан с подходом Пашуканиса, основная работа которого «Общая теория права и марксизм. Опыт критики основных юридических понятий» вышла за 15 лет до выхода их книги и во многом определила ее. Среди прочих, кто говорит о Пашуканисе как о «великом теоретике права» [4. С. 342], есть и современник Фуко – видный философ, политический теоретик и участник коммунистических политических групп Антонио Негри. В своей статье «Перечитывая Пашуканиса: заметки к дискуссии», впервые опубликованной в 1973 г., он оценивает идеи Пашуканиса о товарном обмене как фундаменте права, о частнособственническом характере всякой юридической нормы, о фетишизации товара и права как о «ключках к расшифровке этого мира» [Там же. С. 337], раскрывающих связь институтов стоимости, государства и капиталистического господства у Маркса с юридической формой и генезисом права при капитализме: «Пашуканис действительно был в числе первых (и, к сожалению, в числе последних марксистских теоретиков права), кто верно уловил марксовскую точку зрения, в оптике которой – по ту сторону от абстрактного и схоластического противопоставления базиса и надстройки – право диалектически рассматривается как форма реального процесса обмена, лицевая сторона меновой стоимости» [Там же. С. 307]. Таким образом, необходимость прояснения связи политико-правовых идей Пашуканиса и взглядов Фуко на власть, наказание и дисциплину представляется вполне обоснованной.

В связи с тем, что основные идеи Фуко о власть-знании довольно хорошо известны читателю, обратимся к менее знакомым для нас взглядам Пашуканиса. Становление молодого советского государства сопровождалось бурной дискуссией среди представителей раннесоветской юридической науки. Если критика Пашуканисом доктрины «естественных прав» вполне отвечает общему духу марксистской мысли, то его критика нормативистского представления о праве во многом отличала его от коллег М. Рейснера и П. Стучки, которые буквально интерпретировали тезис Маркса о праве как «возведенной в закон воле экономически господствующего класса» [5. С. 77]. Пашуканис справедливо отмечает, что нормативно-правовые акты являются продуктом деятельности государственного аппарата, бюрократии, а не господствующего класса напрямую, а значит, отношение между экономическим базисом и правовыми нормами сложнее, чем может показаться, если воспринять формулу

Маркса буквально. Слабость инструментального подхода к праву связана с его неспособностью объяснить объективный характер права, отстраненный от непосредственно частных интересов. Слабость формального подхода связана с рассмотрением права как явления, обособленного от социума, существующего только по законам внутренней логики. Его «меновая» теория права стала попыткой преодоления противоречий инструментальных и формальных юридических теорий. Автор предлагает оригинальную правовую концепцию, которая выводит содержание права из рыночных отношений. Он полагает, что правовые явления аналогичны явлениям, возникающим при товарном обмене, а базовые понятия права – «правовая норма», «правоотношение», «субъект права» – являются выражением экономических отношений; в свою очередь, базовые понятия рыночной экономики – «товар», «стоимость» – имеют свое «юридическое» содержание. Эквивалентный обмен выступает основой коммуникации в обществе. Так, например, поступки человека обусловлены действиями других людей, в своем поведении мы соотносим себя с другими, даже «золотое правило морали» («относись к другим так, как ты хочешь, чтобы относились к тебе») имеет «меновое» содержание.

Правоотношения, по мнению автора, возникают в условиях конкуренции на рынке, когда мы сталкиваемся с несовпадением целей его субъектов (тогда и возникает необходимость в их согласовании), и не возникают в момент единства целей (в этом случае возникает не правовая норма, но некоторый административный регламент, просто определяющий правила действия в данной области): «Основной предпосылкой правового регулирования является, таким образом, противоположность частных интересов. Это в одно и то же время логическая предпосылка юридической формы и реальная причина развития юридической надстройки. Поведение людей может регулироваться самыми сложными правилами, но юридический момент в этом регулировании начинается там, где начинаются обособленность и противоположность интересов» [6. С. 37–38]. Таким образом, право порождается именно в отношениях товарно-денежного обмена, где собственники выступают как равные субъекты, свободно распоряжающиеся принадлежащим им имуществом. Это и отличает буржуазное общество от, например, феодального, где правовой статус личности был связан с его социальным статусом, а значит, и право как таковое не возникало. То, что являлось регулятором общественных отношений в докапиталистическую эпоху, по сути, является не правом, а продолжением религиозных норм, выражением личной воли правителя, обобщением норм, традиций и т.п. Право как всеобщий абстрактный принцип вне статуса конкретной личности может появиться только в свободных, рыночных отношениях обмена, где всякий товар можно калькулировать и выразить в количестве времени, затраченного на его производство: «Только при полном развитии буржуазных отношений право приобретает абстрактный характер. Каждый человек становится человеком вообще, всякий труд сводится к общественно полезному труду вообще, всякий субъект становится абстрактным юридическим субъектом. Одновременно и норма принимает логически совершенную форму абстрактного общего закона» [Там же. С. 71].

Так как отношения по поводу обмена товаров выражают прежде всего частные интересы, то юридические формы, отражающие их, есть лишь выражение обменных отношений, поэтому право вообще всегда является частным

правом, публичное право «может существовать только как отображение частноправовой формы в сфере практической организации, или оно вообще перестает быть правом» [6. С. 57]. Из этого следует, что и государство не имеет собственной субстанциальной природы, выступая лишь как нейтральная сторона в спорах сторон по поводу заключенных договоров, применяя административные меры к нарушителям договора. Сугубо юридический подход к изучению государства оказывается не вполне состоятельным, поскольку динамика социальной жизни опережает юридические формы, а значит, юридический подход должен быть дополнен социологическим.

Отдельно исследователь останавливается на уголовном праве, которое имеет наиболее «зримую» юридическую силу, поскольку весьма сильно вторгается в область прав личностей. По причине этой силы именно уголовное право приобретает роль своего рода «права вообще», попадая в оборот которого конкретный человек превращался в своего рода юридического субъекта. Так как право производно от отношений обмена, правосудие представляет собой эквивалент товарообмена, своего рода недобровольный договор, сущность которого заключается в принудительном восстановлении справедливости через наказание, в уплате преступником (должником) стоимости причиненного им вреда (выраженного либо непосредственно в деньгах, либо во времени как эквиваленте денег) перед всем обществом.

Каким образом отношения обмена представлены в судопроизводстве? Автор полагает, что судебный процесс и принцип состязательности сторон представляют собой своего рода коммерческую сделку, заключение договора между защитой и обвинением. Эта идея впоследствии будет выражена у Фуко: «Наказание должно рассматриваться как вознаграждение, которое виновный выплачивает каждому из сограждан за преступление, нанесшее ущерб всем им» [3. С. 159]. В уголовном праве вред, причиненный преступлением, выступает некоторой стоимостью, которая должна быть уплачена, по поводу размера которой спорят защитник и обвинитель, словно руководимые экономическим законом спроса и предложения.

Почему именно лишение свободы стало основным видом наказания в капиталистическом, целерациональном, дисциплинарном обществе? Полагаем, потому, что в данном типе общества именно меновые, в широком смысле этого слова, процессы стали общепределяющими. Именно в процессе торгования (*bargaining*) ничем не упорядоченный обмен постепенно приобретает шаблонные формы, рутинизируется. Это проявляется и в экономике, и в политике, и в области права. Так, Пашуканис пишет, что «...лишение свободы на определенный, заранее указанный в приговоре срок есть та специфическая форма, в которой современное, т.е. буржуазно-капиталистическое, уголовное право осуществляет начала эквивалентного воздаяния. Для того чтобы появилась идея о возможности расплачиваться за преступление заранее определенным куском абстрактной свободы, нужно было, чтобы все конкретные формы общественного богатства были сведены к простейшей и абстрактнейшей форме – человеческому труду, измеряемому временем» [6. С. 122]. От этого и отталкивается «карательный преискурант» капиталистического общества: «Подобно тому, как на товарном рынке все виды труда в конечном счете сводятся к абстрактному труду, измеряемому рабочим временем, все виды наказания были сведены к лишению свободы на тот или иной срок в соответ-

ствии с тяжестью содеянного преступником. Абстрактный человеческий труд – единственный и всеобщий источник стоимости. Измеряющее его время – деньги, и потому время – все» [7. С. 282]. В соответствии с идеей времени-денег автор показывает связь приговора, выраженного в арифметическом количестве времени лишения свободы, с логикой товарно-денежных отношений: «Этот способ бессознательно, но глубоко связан с представлением об абстрактном человеке и абстрактном человеческом труде, измеряемом временем. Не случайно эта форма наказания укрепилась и стала казаться чем-то естественным, само собой разумеющимся именно в XIX в., т.е. когда буржуазное общество полностью развило и укрепило все свои особенности» [6. С. 122]. Налицо связь права, пенитенциарных практик и экономического базиса: «Промышленный капитализм, декларация прав человека и гражданина, политическая экономия в системе срочного тюремного заключения суть явления одной и той же исторической эпохи» [Там же].

Обратившись к рассмотрению наказаний, связанных с лишением свободы, Пашуканис обнаруживает интересное явление, которое во многом станет основным содержанием работы Фуко «Надзирать и наказывать». Советский исследователь говорит о некотором расхождении формы и содержания такого рода наказания: действительная практика деятельности тюрем связана не только с изоляцией преступников, но и с процедурами их коррекции, дисциплинирования, воспитания, – словом, представляет собой нечто избыточное по отношению к своей форме (изоляции от общества). Пашуканис отмечает, что, несмотря на общепризнанный характер правового принципа *nulla poena sine lege* (лат. «нет наказания без закона, кроме того, которое предусмотрено законом»), мы обнаружим уже упомянутый нами выше «зазор» между теорией и практикой наказания – дополнительное наполнение лишения свободы процедурами дисциплинирования. Тем самым еще до Фуко Пашуканис указал на механизмы осуществления права как механизмы осуществления власти, которые представляют собой «момент иррациональный, мистифицирующий, нелепый... именно... момент специфически правовой» [Там же. С. 169]. Иррациональность буржуазного права, порожденного, по существу, несправедливым, но формально свободным экономическим обменом, порождает идеи ответственного за свою судьбу человека, свободу его выбора, равенство перед законом, идею эквивалентного преступлению воздаяния. Эта иррациональность связана с противоречиями самой социальной жизни и теми материальными отношениями, которые они выражают: «...но в то время, когда эквивалентность наказания в ее грубой, осязательно-материальной форме, как причинение физического вреда или взыскание денежного возмещения, именно благодаря этой грубости сохраняет простой и каждому доступный смысл, она в ее абстрактной форме лишения свободы на определенный срок теряет этот смысл, хотя мы по-прежнему продолжаем говорить о мере наказания, *соразмерной* (выделенно Е. Пашуканисом) тяжести содеянного» [Там же. С. 122–123]. Автор обнаруживает связь «нелепой» формы эквивалентности наказания преступлению, что, по его мнению, следует из материальных отношений товарнопроизводящего общества. Идея эквивалентности наказания преступлению появляется и у Фуко: «„Очевидность“ тюрьмы, с которой нам так трудно расстаться, основывается прежде всего на том, что она – простая форма „лишения свободы“. Как же тюрьме не быть преимущественным сред-

ством наказания в обществе, где свобода – достояние, которое принадлежит равным образом всем и к которому каждый индивид привязан „всеобщим и постоянным“ чувством? Лишение свободы, следовательно, имеет одинаковое значение для всех. В отличие от штрафа, оно – „уравнительное“ наказание. В этом своего рода юридическая ясность тюрьмы. Кроме того? тюрьма позволяет исчислять наказание в точном соответствии с переменной времени. Тюремное заключение может быть формой отдачи долга, что составляет в промышленных обществах его „очевидность“ – и позволяет ему предстать как возмещение... Тюрьма естественна, как „естественно“ в нашем обществе использование времени в качестве меры отношений обмена» [3. С. 338–339]. Пашуканис говорит о том, что наказание имеет «объективный» базис, выраженный в принципе эквивалентности, потому что только определенный состав преступления дает нам возможность соизмерения, следовательно, дает обществу возможность заставить его расплатиться за преступление, а не за то, что общество признало кого-либо опасным, что требует точной фиксации состава преступления. Отсюда возникают уголовное и уголовно-процессуальное право с их правилами процесса, приговора и исполнения. Отсюда возникает этот правовой фетишизм с его тотальной регламентацией, кодификацией, стремлением к «точному» измерению степени вины, участия, соучастия, точной фиксацией отдельных составов преступления, которые напрямую увязаны с определением «справедливой», т.е. эквивалентной? общественной опасности, меры наказания. В отличие от буржуазно-правового наказания, подлинная реакция общества на преступление, которую Пашуканис именует понятием «мера социальной защиты», представляет собой чистую целесообразность, а значит, может отбросить принцип эквивалентности как сугубо буржуазный и заменить его требованием «точного описания *симптомов*» (выделено Е. Пашуканисом), характеризующих общественно опасное состояние, и разработки тех *методов* (выделено Е. Пашуканисом), которые нужно в каждом данном случае применять для того, чтобы обезопасить общество» [6. С. 127]. Общество должно регулироваться не правовыми, а техническими правилами, которые дают возможность индивидуализировать наказание, осуществлять корректирующие мероприятия психологического, медицинского, воспитательного, социального характера.

Пашуканис полагал, что преступление и наказание как юридические формы уйдут в историю вместе со всей юридической надстройкой, что, однако, не ограничит нас, а, напротив, даст нам возможность расширить границы воздействия на личность. Не ограничиваясь категориями «преступление», «вина», «участие», «соучастие», замена права «мерами социального принуждения» дает возможность осуществления санкций в отношении безграничного числа «социально опасных» или «классово-враждебных» элементов: «Превратить наказание из возмездия и воздаяния в целесообразную меру защиты общества и исправление данной социально опасной личности – это значит разрешить громадную организационную задачу, которая не только лежит вне чисто судебной деятельности, но, по существу, при успешном ее выполнении, делает излишними судебные процессы и судебные приговоры, – ибо когда эта задача будет полностью разрешена, исправительно-трудовое воздействие перестанет быть простым „юридическим следствием“ судебного приговора, в котором зафиксирован тот или иной состав преступления, но

сделается совершенно самостоятельной общественной функцией медицинско-педагогического порядка» [6. С. 126].

Во многом о схожем содержании процесса наказания пишет и французский исследователь: реальная практика функционирования пенитенциарных учреждений обнаружила тот самый зазор между их предназначением и реальным воплощением – эквивалентность наказания преступлению может и была представлена в приговоре суда, отмерившем срок лишения свободы, но реальный процесс исполнения наказания наполняется избыточным, дополнительным содержанием. Моделью идеального пенитенциарного учреждения становится Паноптикон – всевидящий инструмент, постоянное присутствие Другого, тотальная калькуляция и упорядочивание. В дисциплинарной практике XIX в. Паноптикон дополняет свою архитектурную конструкцию психологическими процедурами от исповеди до «научно обоснованных» психологических тестов и сеансов психоанализа. Физические машины зрения из всевидящих камер слежения дополняются психологическими машинами зрения типа перекрестных допросов, игры в «плохого–хорошего» надсмотрщика, проективных тестов, психотерапии и т.п. Тюрьма как место реализации наказания в виде лишения свободы выразила не только основную, ясную идею изоляции, но и идею «скрытую»: надзор осуществляется не за содеянным, но за тем, что может быть содеяно, не за фактом, но за тенденцией: «при паноптизме надзор стремится все более конкретизировать виновника поступка и перестает интересоваться правовой природой, уголовным характером самого проступка» [3. С. 123]. Это наблюдение будет развито у него в анализе классифицирующе-упорядочивающей правовой машины, связанной с работой по «производству» разного рода социальных групп – «делинквентов» (или, в советской терминологии, «социально чуждых элементов»): «Посетите места, где судят, заточают, убивают... Поражает одно обстоятельство: везде вы увидите два совершенно различных класса людей, один из которых всегда восседает в креслах обвинителей и судей, а другой – занимает скамью подсудимых» [Там же. С. 405]. Фуко показывает, как дисциплинарное общество преодолевает правовые формы, наполняя институты юстиции новым содержанием: регламентированным распорядком дня, построениями, синхронным движением, нормированием труда, и т.п. (он называет это «припиливанием» к судебной практике горизонта возможного знания). Это имеет под собой далеко идущие следствия – тюрьма, «якобы „терпя поражение“, на самом деле не бьет мимо цели. Напротив, она попадает в цель, поскольку вызывает к жизни одну особую форму противозаконности среди прочих, противозаконность, которую она способна вычленить, выставить в полном свете и организовать как относительно замкнутую, но проницаемую среду. Тюрьма способствует установлению видимой, открытой, заметной противозаконности, неустранимой на определенном уровне и втайне полезной, одновременно строптивой и послушной. Она обрисовывает, изолирует и выявляет одну форму противозаконности, как бы символически резюмирующую все прочие ее формы, позволяя оставить в тени те, которые общество хочет – или вынуждено – терпеть. Эта форма есть, строго говоря, делинквентность» [Там же. С. 406].

Тема исследования микро- и макроуровней системы наказания может быть дополнена рассмотрением вопроса об отношении Фуко к советскому

проекту. И значение этого проекта для него не столь незначительно, как может показаться. Французский исследователь Доминик Кола пишет, что «все его (Фуко. – М.К.) исследовательское предприятие родилось из культуры русского формализма... которой удалось спастись, ускользнув от „прокатного вала сталинизма“» [8. С. 204]. В выступлении на семинаре «Il faut défendre la société» Фуко объединяет нацизм и сталинизм, обнаруживая сходство сложившихся моделей надзора, теорий классовой борьбы и социальной гигиены в обоих государствах: «...после двух великих экспериментов (опыта фашизма и опыта сталинизма) мы вдруг ощутили, что под государственными органами, на совершенно ином уровне и до некоторой степени от них независимо, существовала целая механика власти, осуществлявшаяся постоянно, непрерывно и насильственно; она позволяла сохранять прочность и жесткость социального тела, причем играла в этом деле не меньшую роль, чем основные государственные органы, вроде армии или правосудия. И это пробудило у меня интерес к изучению таких неявных сил власти, власти невидимой, т.е. тех видов власти, которые связаны с институтами знания и здравоохранения» [2. С. 172]. Фуко замечает, что преобразование системы производственных отношений и политических, правовых, социальных институтов в Советском Союзе не изменяет «микроотношений власти», которые остаются тождественными отношениям в капиталистических государствах: «Я просто полагаю, что, делая основной – и исключительный – акцент на роли, которую играет государство, мы рискуем не заметить все механизмы и техники власти, которые не являются непосредственной функцией государственного аппарата, но при этом часто поддерживают его функционирование, переопределяют его направленность, позволяют ему достигнуть максимума эффективности. Советское общество дает нам пример государственного аппарата, который перешел в другие руки, но при этом сохранил те или иные типы социальной иерархии, семейной жизни, отношения к телу примерно такими же, какими они были в обществе капиталистического типа» [8. С. 36]. Советский Союз, упразднив частную собственность и рыночные производственные отношения, возрождает те же методы контроля и наказания, которые сложились в капиталистическом обществе, добавив к ним еще и практику «партийной дисциплины», и при этом придает им «огромный масштаб и скрупулезность – в смысле удивительного сочетания бесконечно большого и бесконечно малого» [Там же], одновременно индивидуализируя и тотализируя контроль над всем и вся.

В качестве заключения стоит сказать, что изучение системы власть-знание в ее соотношении с практиками исполнения наказания и анализом экономического базиса представляет собой значительный интерес еще и в связи с теми изменениями, которые претерпевает современный мир. Экономическое господство через контроль над жизнью, отказ от принуждения в пользу «управленчества» (*gouvernementalité*), медиализацию жизни, распространение сферы здравоохранения на все большие области – «биовласть» изменяет, во многом нивелируя значение правовых норм в ущерб диагнозу, медицинскому режиму, санитарным и эпидемиологическим нормам, техникам планирования семьи, «гармоничных» межличностных отношений и т.п. Право слишком «грубо» и «негуманно» для современного общества и поэтому уступает место более «мягким», научно обоснованным, внеидеологичным

«оздоровительным» методикам. Установить допустимые границы врачебного вмешательства гораздо сложнее, чем определить границы принудительного воздействия, поэтому медицинские практики более «деликатны» по своей форме воздействия на личность, а значит, и эффективнее правовых. Медиализация наказания приводит к противоречивым и не до конца понимаемым на сегодня последствиям: с одной стороны, она снимает с преступника ответственность, определяя его в терминах «болезни», «нездоровья», а с другой – лишает возможности предсказать характер, длительность и интенсивность «терапевтического воздействия». Грядущая «биовласть» формирует новую конфигурацию подчинения, расширяя властный дискурс на все новые области. Все это требует отдельного внимательного исследования.

Литература

1. Дьяков А.В. Мишель Фуко и его время. СПб. : Алетейя, 2010. 672 с.
2. Фуко М. Интеллектуалы и власть : избранные политические статьи, выступления и интервью : в 2 ч. М. : Праксис, 2002. Ч. 1. 384 с.
3. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М. : Ad Marginem, 1999. 480 с.
4. Негри А. Перечитывая Пашуканиса: заметки к дискуссии // Stasis. 2017. Т. 5, № 2. С. 302–349.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений : в 50 т. М. : Политиздат, 1961. Т. 19. 670 с.
6. Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм. М. : Изд-во Ком. акад., 1929. 136 с.
7. Спиридонов Л.И. Теория государства и права. М. : Проспект, 2001. 304 с.
8. Мишель Фуко и Россия : сб. / под общ. ред. О. Хархордина. СПб. ; М. : Европейский ун-т в Санкт-Петербурге : Летний сад, 2001. 349 с.

Mikhail V. Kulikov, Kuzbass Institute of the Federal Penal Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation).

E-mail: philosophy_mk@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 57. pp. 90–99.

DOI: 10.17223/1998863X/57/9

THE INSTITUTION OF PUNISHMENT IN THE STRUCTURE OF A DISCIPLINARY SOCIETY: AN ATTEMPT TO OVERCOME THE LIMITATION OF THE MICRO- AND MACROLEVELS OF SOCIAL PROCESSES ANALYSIS

Keywords: disciplinary society; panopticon; “exchange” theory of law; Marxism; micro- and macrolevels of social structure.

The article attempts to find an opportunity to examine the micro- and macrolevels of the legal field in general and the institution of punishment in particular. The representative of social macro-theory is Marxism with its analysis of socioeconomic formations, the driving forces of history, dialectics, as opposed to Foucault’s “microphysics of power”. The problems considered in the article can be formulated as follows: is it possible to connect Foucault’s ideas about prison as a special type of a penitentiary institution, which has become a kind of a prototype, model for a panoptic society, with Marxist ideas about the law? How are private relations on the exchange of goods related to disciplining practices? The so-called “exchange” theory of law by Evgeny Pashukanis is taken as the “junction point” of the micro- and macrolevels of social processes studies. Pashukanis offers an original legal concept that deduces the content of law from market relations: legal phenomena are similar to those that occur during commodity exchange, and the basic concepts of law–legal norm, legal relationship, subject of law – are an expression of economic relations; in turn, the basic concepts of market economy – goods, value–have their “legal” content. Pashukanis focuses on criminal law, which has the most “visible” legal force. Justice is the equivalent of commodity exchange, a kind of an involuntary contract, the essence of which is the forced restoration of justice through punishment, through payment by the offender (debtor) of the cost of the harm caused to the whole society. Turning to the consideration of penalties related to imprisonment, Pashukanis discovers a phenomenon that, in many ways, will become the main content of Foucault’s *Discipline and Punish*. Pashukanis claims that there is a certain

discrepancy in the form and content of this kind of punishment: the actual practice of prison activities is connected not only with the isolation of criminals, but also with procedures for their correction, discipline, and education. In short, these activities are excessive in relation to its form (isolation from society). As a conclusion, the trends of changing the institution of punishment in the direction of its medicalization are outlined, which indicates the formation of a new type of the power – knowledge system, “biopower” by Foucault.

References

1. Dyakov, A.V. (2010) *Mishel' Fuko i ego vremya* [Michel Foucault and his time]. St. Petersburg: Aleteyya.
2. Foucault, M. (2002) *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu: v 2 ch.* [Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches and Interviews: in 2 vols]. Translated from French. Moscow: Praksis.
3. Foucault, M. (1999) *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my* [Discipline and Punish. The Birth of the Prison]. Translated from French. Moscow: Ad Marginem.
4. Negri, A. (2017) Rereading Pashukanis: notes for discussion. *Stasis*. 5(2). pp. 302–349. (In Russian). DOI: 10.33280/2310-3817-2017-5-2-8-49
5. Marx, K. & Engels, F. (1961) *Polnoe sobranie sochineniy: v 50 t.* [Complete works: in 50 volumes]. Vol. 19. Moscow: Izdatelstvo politicheskoy literatury.
6. Pashukanis, E.B. (1929) *Obshchaya teoriya prava i marksizm* [General Theory of Law and Marxism]. Moscow: Izd-vo Kommunisticheskoy akademii.
7. Spiridonov, L.I. (2001) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: Prospekt.
8. Kharkhordin, O. (ed.) (2001) *Mishel' Fuko i Rossiya* [Michel Foucault and Russia]. St. Petersburg; Moscow: European University at St. Petersburg; Letniy sad.